Вопросы эпиграфики

Ответственный редактор кандидат исторических наук А. Г. Авдеев

Выпуск X

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2019

Китайская надпись у колодца Дзун Билут[1]

М. С. Целуйко, Ю. М. Свойский

В статье описывается и исследуется китайская надпись из местности Дэл-Уул (Монголия). Символы надписи транслитерированы современными китайскими иероглифами, дан перевод надписи на русский язык. Исследование показывает важность надписи как ценного источника по пограничной политике империи Тан в правление императора Гаоцзуна (628–683 гг.), и системе управления приграничными территориями, сложившейся после разгрома Восточно-Тюркского каганата в 630 г.

***Ключевые слова**: Эпиграфика Гоби, Восточные Тюрки, империя Тан, военная система, границы империи.*

При изучении истории империи Тан в частности и процесса формирования традиционных китайских империй в целом часто встаёт вопрос о степени и способах контроля имперского центра над окраинными провинциями и регионами. Исследователи иногда считают приграничные административные единицы, создававшиеся китай-скими империями на протяжении своего существования, чисто формальными образованиями, за которыми не стояло никакой реальной власти и контроля[2]. Поэтому крайне ценны любые источники, которые, с одной стороны, могут помочь разрешить эту проблему, а с другой — не были изменены и отредактированы в процессе рецепции и передачи текстов, характерном для китайской книжной традиции, а потому могут быть точно датированы и чётко локализованы на карте.

---

[1] См., напр.: История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. 3: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / Отв. ред. Л. С. Переломов. М., 2014. С. 229.

[2] См., напр.: История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. 3: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / Отв. ред. Л. С. Переломов. М., 2014. С. 229.

Примером такого текста является надпись периода правления императора Гао-цзуна, 650–683 гг. н. э., сохранившаяся до настоящего времени в местности Дэл-Уул на юге Монголии[3]. В период правления Гао-цзуна этот район входил в имперский протекторат Ханьхай (瀚海都护府 *духуфу*), существовавший здесь с 663 по 669 гг. н. э. Ранее эти земли контролировал Восточно-Тюркский каганат — до 630 г., когда он был уничтожен Тай-цзуном (Ли Шиминем, 627–649), вторым императором династии Тан[4].

В течение первой половины VII в. н. э. эта территория была местом конфликтов китайских войск, племён сеяньто и восточных тюрок, которые в конечном счете утратили политическую независимость, но на низовом уровне продолжали управляться своими собственными институтами.

Ландшафтный и культурный контекст

Горный массив Дэл-Уул расположен на крайнем юге Средне-Гобийского аймака, на территории Улзийт-сумына в 400 км западю-юго-западнее столицы Монголии г. Улан-Батор и в 150 км южнее аймачного центра Мандалгоби (ил. 1). Это безводная, пустынная и малонаселённая местность, представляющая собой северную окраину Монгольской Гоби («пустыни Шамо»). Местность Дэл-Уул (ил. 2) известна петроглифами бронзового и начала железного века, руинами монастыря Билун-Хурэ (ил. 3) и плиточными могилами, которых в этом районе известно не менее 20 (ил. 4). Эпиграфика местности Дэл-Уул представлена монгольскими, уйгурскими, орхонскими и тибетскими надписями, а также, по крайней мере, одной китайской надписью, являющейся предметом нашего исследования.

---

[3] Опубликована и описана: *Баттулга Ц., Торбат Ц., Ганчимэг Б.* Дэл уулнас шинээр олдсон хятад бичээс. ТС. Том XXXI. Уланбаатар, 1998; Монгол нутаг дахь түүх, соёлын дурсгал // Бүтээлийг эрхэлсэн Лувсандамбын Дашням [et al.]; шүүн ариулсан Гомбожавын Гонгоржав. Уланбаатар, 1999; *Сухбаатар Д.* Дэл уулын хадны зураг. 2 дахь хэвлэл. Уланбаатар, 2016.

[4] При локализации административных и государственных единиц мы опираемся на фундаментальный труд А. Г. Малявкина (*Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 128–130).

Общее описание памятника

Колодец Дзун-Билут (в монгольском написании *Зүүн билүүт худаг*) расположен на южном входе в узкое дефиле, пересекающее горный массив Дэл-Уул в меридиональном направлении и представляющее собой естественный проход, пригодный для прохода не только вьючного, но и колёсного транспорта. В настоящее время здесь проходит грунтовая дорога; в прошлом описываемое дефиле, по-видимому, также было одним из путей пересечения горного массива. Колодец находится в русле временного водотока, приблизительно в 1 км севернее вершины предгорного конуса выноса. Следов каких-либо сооружений в окрестностях колодца не выявлено, за исключением отдельных плиточных могил, расположенных юго-восточнее, на конусе выноса, сложенном голоценовыми пролювиальными отложениями.

С колодцем Дзун-Билут пространственно связано несколько небольших групп петроглифов, приуроченных к скальным выходам в бортах горного дефиле. В отличие от большинства петроглифов горного массива Дэл-Уул, они имеют ряд особенностей и характеризуются: (а) малым процентом обычных для массива зооморфных и антропоморфных изображений, (б) наличием тамгообразных знаков, (в) наличием несомненно средневековых изображений, выгравированных металлическим инструментом, (г) высокой концентрацией надписей, что в целом не характерно для Дэл-Уул, и (д) наличием китайской надписи, при том что другие иероглифические надписи в районе Дэл-Уул неизвестны. Именно поэтому памятник у колодца Дзун-Билут известен в литературе преимущественно как «Дзун-билутская китайская надпись» («Зүүн билүүтийн хятадын бичээс»).

Иероглифическая надпись расположена на субвертикальной скальной поверхности (зеркале скольжения) тёмной окраски размером около 130×100 см на западном борту долины, на высоте около 3 метров над поверхностью пролювиальных отложений дна долины. Поверхность с рисунками и надписями обращена на восток-юго-восток. На поверхности наблюдаются изображения козлов, выполненные в обычной для Дэл-Уул технике пикетажа, тамгообразные знаки, выполненные в сходной технике, грубо выгравированные металлом надписи тибетским письмом (по-видимому наиболее поздние) и иероглифическая надпись в 4 столбца (ил. 5, 6, 7).

В непосредственной близости к этой поверхности, примерно в 30 метрах к северу, имеется ещё одна субвертикальная поверхность, обращённая к югу и несущая несомненно средневековые изображения и надписи уйгурским письмом, выполненные металлическим инструментом.

Методика документирования

Документирование надписи у колодца Дзун-Билут было выполнено 16 октября 2017 г. в рамках полевого проекта по документированию петроглифов местности Дэл-Уул, предпринятого Лабораторией RSSDA и Монгольским Государственным Университетом Культуры и Искусства (Монгол Улсын Соёл Урлагийн Их Сургууль (МУСУИС)).[5] Фотографировался весь участок скальной поверхности с рисунками и надписями, шириной около 1 метра и высотой около 1,3 метра, ограниченный крупными естественными трещинами. Общая площадь документирования составила 1,56 кв. м.

Перед съёмкой поверхность скалы была очищена мягкой кистью, удалены пыль и мелкий песок. Съёмка выполнялась фотоаппаратом Sony A7RII с объективом FE 28 мм F2.0 и накамерным кольцевым осветителем Grifon AR400 со встроенной вспышкой. Для съёмки была выбрано вечернее время, что обеспечило благоприятное естественное освещение (отсутствие прямых лучей солнца при достаточной освещённости поверхности), поэтому осветитель использовался без включения вспышки. Цветокоррекция выполнялась по серой карте. Масштабирование осуществлялось методом измерения пространственного положения 5 опорных точек лазерным дальномером Leica Disto 910 в условной системе координат (с контролем по линейке). Предварительное ориентирование координатной системы выполнялось относительно базиса, разбитого по магнитному меридиану; на этапе постфотограмметрической обработки коррекция ориентирования выполнялась введением поправки за магнитное склонение (в данном случае — разворотом координатной сис-

[5] В выполнении полевых работ приняли участие преподаватели МУСУИС П. Баяртур и Амарсанаа и сотрудники «Лаборатории RSSDA» Ю. М. Свойский и С. В. Пешков (оператор документирования). Моделирование выполнено А. С. Пешковым, постфотограмметрическая обработка — А. Д. Клеймёновым и Д. Ю. Анисимовой под руководством Е. В. Романенко.

темы на величину магнитного склонения, составлявшего на дату съемки 3° 50,34' W).

На основе 761 цифрового фотоснимка была сформирована трёхмерная полигональная модель скальной поверхности (объект VE0012) с детальностью, достаточной для корректного отображения её геометрии (3761 полигон на кв. см после постфотограмметрической обработки). Постфотограмметрическая обработка модели заключалась в обрезке краевых участков по естественным границам, очистке поверхности (подавлении «шума», коррекции ошибок фотографического алгоритма — незаполненных отдельных полигонов, самопересечений и т. п.), коррекции ориентации. Обработанная модель была текстурирована.

Для дальнейшей работы с надписью трёхмерная модель была преобразована в карту высот, при этом каждый из фрагментов надписи выравнивался относительно условной поверхности отдельно. К сформированным таким образом картам высот были применены математические алгоритмы визуализации, облегчившие однозначное прочтение надписи.[6]

Собственно надпись и комментарии к ней

Китайская надпись состоит из двух выраженно отличных частей — «длинного» столбца в 9 иероглифов высотой около 35 см и шириной 3 см и трёх малых столбцов в 4–5 иероглифов высотой около 10 см (общие размеры надписи 10×10 см). Длинный столбец сделан резьбой глубиной от 0.2 до 1.5 мм, глубина резьбы не выдержана, поперечный профиль от V-образного до U-образного, наблюдается как симметричный, так и асимметричный профиль резьбы. Сохранность столбца хорошая, за исключением отдельных элементов. Вторая часть надписи — 3 коротких столбца — выполнена в несколько иной технике. Глубина резьбы более выдержанная и составляет 0,3–0,7 мм, поперечный профиль ближе к U-образному и более симметричен, стиль

[6] Подробнее о применении алгоритмов визуализации см.: *Авдеев А. Г., Свойский Ю. М., Романенко Е. В.* Свод русских надписей (CIR) и инструменты его составления // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции (Москва, 12–14 апр. 2018 г.). М., 2018. С. 7–9, а также электронный ресурс «Свод русских надписей» (https://cir.rssda.su/).

исполнения иероглифов несколько отличается от «длинного» столбца. Размер единичного иероглифа — в диапазоне от 2×2 до 4×4 см. Обе надписи не содержат каких-либо декоративных элементов.

Стиль и способ исполнения позволяют предположить, что две части надписи были сделаны различным инструментом (отличающимся по твёрдости и конфигурации режущей кромки) и, предположительно, разной рукой. Сохранность второй части надписи существенно хуже. У первого справа столбца, возможно, утрачен последний иероглиф, третий столбец повреждён настолько сильно, что едва читается. Характер повреждений третьего столбца позволяет предположить попытку умышленного разрушения части надписи.

Рассмотрим надпись по частям.

Первая часть надписи выполнена стилем, относительно близким к танскому кайшу, уставному письму. В расшифрованном виде она выглядит так 靈州輔賢府校尉程寍 (Ил. 8):

1. 靈 州 *Линчжоу*. Первые два иероглифа — название области. Вероятно, имеется в виду область, соответствующая современному городу Линъу (灵武), недалеко от современного города Иньчуань, столицы Нинся-хуэйского автономного района. Линъу удалён от Дэл-Уул на расстояние около 700 км.

2. 輔 *фу*, помощник, ассистент, «поддерживающий» — характерно для некоторых почётных военных титулов империи Тан.

3. 賢 *сянь* — это «почтенный», «достойный», встречается в контексте почётных военных титулов.

4. 府 *фу* — округ, промежуточное административное звено между *чжоу* (州 «область») и *сянь* (县 уезд). В сочетании с предыдущим почётным военным титулом *сянь* и последующим наименованием военной должности *сяовэй* надо понимать Фу как *фу* от *фубин* 府兵 «территориальная дружина, местное ополчение»[7].

5. 校 尉 *сяовэй* — военный чин, средний-низкий. Некоторые переводы на английский дают «капитан». В. М. Рыбаковым в его фундаментальном труде по танской бюрократии переводится как «начальствующий пристав»[8].

---

[7] Подробнее о системе ополчения и вообще системе комплектования армии при Тан см. *Graff D. A.* The Reach of the Military // Tang. Journal of Chinese History. 2017. № 1. P. 243–253.

[8] *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб., 2009. С. 100.

6. 程 *чэн* — фамилия человека, о котором идёт речь в надписи.

7. 寍 *нин* — видимо, это разнопись иероглифа 寧. Средний и нижний графический элементы поменялись местами, но иероглиф узнаваем. Возможно, это имя человека, о котором идёт речь в надписи. С другой стороны, это может означать «покоиться».

Таким образом, получается следующий вариант целостного перевода: «Поддерживающий почтенный сяовэй фубина [из области] Линчжоу Чэн Нин (или вместо Нин: покоится)».

Из этой части надписи мы узнаём: невысокий военный чин ополчения фубин по фамилии Чэн из Линчжоу находился (и, возможно, был похоронен) на удалении в 700 км от основного места службы, на территории другой административной единицы, протектората (духуфу 都护府), созданного на бывших землях государства восточных тюрок — Восточно-тюркского каганата. Таким образом, мы можем считать фактом пребывание китайских военных из пограничных административных единиц на территории восточных тюрок.

Теперь рассмотрим вторую часть надписи, находящуюся в нижнем правом углу (ил. 9). Она делится на три столбика, справа налево:

1. 劉 文 智 *Лю Вэньчжи* — это фамилия (劉 Лю) и имя, из которого чётко читается первый иероглиф — Вэнь. Второй иероглиф имени, скорее всего, являет собой каллиграфическую разнопись иероглифа 智, где, видимо, повреждена нижняя часть нижнего элемента.

2. 麟 德 二 年 — «Второй год [девиза] Линьдэ», то есть 665 г. Девиз Линьдэ — это четвёртый по счёту девиз императора Гао-цзуна (650–683), под девизом Линьдэ он правил в 664–665 гг. н. э.

3. 六 (?月) 廿 九 日 — 6-й месяц, 29 день. Второй иероглиф столбика практически не читается, мы вынуждены реконструировать его логически — на этом месте в данной формуле ввода времени должен быть иероглиф месяц 月 *юэ*.

Таким образом, перевод в целом выглядит так: «Лю Вэньчжи — второй год [девиза] Линьдэ, 6 месяц, 29 день». Это может быть интерпретировано либо как имя и дата посещения, либо как имя покойного и дата смерти.

Таким образом, вторая часть надписи датируется однозначно — это 665 год. Первую часть можно датировать по двум признакам — по топониму Линчжоу и по упоминанию сяовэя из фубина. Область Линчжоу существовала в 526–607 и 618–1002 гг. Система территориаль-

ных войск фубин сформировалась в конце эпохи империи Северная Вэй (начало VI в.) и просуществовала по крайней мере до середины VIII в. Однако в сочетании со стилем исполнения надписи, близким танскому кайшу, и с учётом политических реалий северного пограничья империи Тан в VI–VIII вв., мы склонны предполагать, что первая часть надписи появилась в период правлений Тай-цзуна или Гао-цзуна, то есть во второй трети VII в. Она может быть связана с событиями 628–630 гг. (разгром Восточно-тюркского каганата) и, менее вероятно, с более поздним временем.

Таким образом, обе надписи представляются достаточно близкими по времени. Какая из них появилась раньше? Техника исполнения надписей указывает на их диахронность — надписи, несомненно, выполнены разной рукой, разным инструментом и, следует предположить, в разное время.

Первая часть надписи высечена крупнее и аккуратнее, на более удобной для письма поверхности, причём резьба достаточно глубокая — до 1,5 мм. Вторая надпись выглядит более небрежной, сделанной не специальным камнерезным, но подручным инструментом, и выполнена на менее удобном участке скалы; по отношению к первой надписи она занимает «подчинённое» положение и, возможно, сделана лицом (или в честь лица) более низкого социального статуса. На основании этих наблюдений мы склонны считать первую (левую) надпись более ранней и относить её, скорее, к периоду правления Тай-цзуна, в то время как вторая надпись, несомненно, относится к правлению Гао-цзуна. Если изложенные выше предположения корректны, то надписи разделяет период в 35–37 лет.

Содержание (и, в первую очередь, предельная лаконичность) надписей не позволяет надёжно и однозначно определить тип надписи и идентифицировать их как надписи погребальные или посетительские.

Первая часть надписи более информативна и включает в себя три элемента:

1. Место службы (и, возможно, происхождения) — Линчжоу.

2. Статус (иероглифы, обозначающие почётный ранг и исполняемую должность).

3. Фамилию.

4. Элемент, который может быть интерпретирован и как имя, и как указание на факт смерти.

Вторая часть надписи ещё более лаконична и включает всего два элемента:

1. Фамилию и имя.

2. Дату (которая может быть как датой смерти, так и датой посещения).

Таким образом, по структуре формул части надписи различны, а их содержание отлично от нормативных эпитафий эпохи Тан[9]. Танские эпитафии, как правило, содержали стандартные формулы и биографические сведения о покойном, были пространны (до нескольких сотен иероглифов)[10], украшались богатым декором. Для надписей у колодца Дзун-Билут, напротив, характерны предельная лаконичность и полное отсутствие элементов декора, что не позволяет уверенно интерпретировать их как эпитафии. Однако это может и означать, что в культуре авторов надписей просто отсутствовала нормативная шаблонная формула краткой записи о смерти.

Итак, наличие двух записей на одном носителе, различия в структуре формулы, отсутствие унифицированной формулы краткой надписи, отличие от количественного стандарта подробности характерных для той эпохи мемориальных надписей и эпитафий - всё это показывает, что записи выполнены в особых условиях, когда обычные и привычные средства увековечивания памяти о покойном были недоступны по той или иной причине. Естественно, это вполне объяснимо угрозами для жизни китайских путешественников в обстановке боевых действий в пустыне Гоби, на землях восточных тюрок, где во время создания второй записи тлел конфликт между тюрками, китайцами и уйгурами.

С другой стороны, ситуация выполнения данных записей была не настолько опасна, чтобы жизням составителей что-то угрожало непосредственно, то есть составители нахо-дились в относительной безопасности, но не имели возможности прибегнуть к норматив-ным для их культуры в такой ситуации средствам.

---

[9] См. напр.: *Jun Wang, Zhongzhang Wang*. The Excavation of the Tang Dynasty Tomb of Cao Yi in Fenyang City, Shanxi Province // Wenwu. Chinese Cultural Relics. 2015. № 1–2. P. 141. 138–143, p. 141.

[10] Подробнее об этом: Tongxuan Jiang. Words Characteristics of Tang' Epitaph // Open Journal of Modern Linguistics. 2015. № 5. P. 340.

То, что две записи были выполнены в разное время, означает, что китайцы не просто неоднократно посещали данное место в пустыне Гоби, но также и то, что они знали, где можно оставить надпись, то есть видимо, посещали это место регулярно.

Расположение надписей также не даёт возможности интерпретировать их как надписи погребального типа. В непосредственной близости от скалы, на которой они высечены, — в радиусе по крайней мере первых сотен метров — отсутствуют видимые захоронения (курганы, каменные выкладки) и вообще места, сколько-нибудь пригодные для грунтового погребения. Вообще, для местности Дэл-Уул характерны захоронения либо в межгорных долинах, вытянутых по простиранию горного массива, либо на предгорном шлейфе, сформированном делювиальными и пролювиальными отложениям.[11] Только в этих ландшафтных обстановках накапливается слой рыхлых отложений, достаточно мощный для грунтового захоронения. В поперечных долинах, секущих горный массив Дэл-Уул в направлении, близком к меридиональному, погребения неизвестны, несмотря на то, что рыхлые отложения здесь присутствуют. Причиной такого положения являются временные водотоки, появляющиеся в этих долинах в период таяния снега, и относительно высокий уровень грунтовых вод. Климат середины VII в. н. э. в Гоби был несколько более влажным, чем в настоящее время (это было начало средневекового климатического оптимума), что делало эти факторы ещё более весомыми. Кроме того, погребение покойника в непосредственной близости от источника воды противоречило общепринятым понятиям о санитарных нормах. Таким образом, ландшафтная обстановка памятника заставляет считать надписи скорее не погребальными, но посетительскими (хотя, возможно, и мемориального характера).

Этот вывод немедленно ставит следующий вопрос — почему надписи высечены именно в этом месте, в то время как в окрестностях в радиусе сотен километров иная китайская эпиграфика нам неизвестна? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Горный массив Дэл-Уул лежит в несколько в стороне от известных крупных караванных

[11] Характерные примеры можно наблюдать в непосредственной близости от рассматриваемой надписи — это обширный курганный могильник, наблюдаемый в 600–700 м к югу (Ил. 1) и плиточная могила с петроглифами и оленным камнем, расположенная в 4 км к северо-западу (Ил. 3).

путей, пересекающих Гоби, на северной окраине пустыни. В Средневековье в условиях более влажного по сравнению с современным климата именно в этом районе появлялась трава и даже отдельные деревья (сейчас они есть только у руин монастыря). Таким образом, человеком, пересёкшим пустыню, этот район воспринимался как место окончания тягот и лишений, как место, где можно было перестать экономить воду, подкормить коней и дать отдых людям. Скоротечность и маневренный характер танско-тюркских и, позже, танско-уйгурских столкновений привели к тому, что эти конфликты не оставили археологического следа в виде крепостей или укреплённых лагерей. Однако отдельные участки местности были пригодными для продолжительных остановок военных отрядов, оставлявших грамотным участникам этих событий время для нанесения надписей. Колодец Дзун-Билут в VII в. являлся достаточно надёжным источником питьевой воды, находившимся к тому же в начале удобной тропы, позволявшей пересечь труднопроходимый для кавалерии горный массив. Это делало его стратегически важным пунктом для китайских военных отрядов, участвовавшие в боевых действиях против тюрок и уйгуров и, по-видимому, появлявшихся в этой местности достаточно часто.

Именно поэтому на окружающих скалах, наряду с традиционными для горного массива Дэл-Уул более древними петроглифами, выполненными в технике пикетажа, обнаруживаются и несомненно раннесредневековые гравировки — изображения всадников и надписи.

Таким образом, представляется логичным определить данные надписи не как погребальные надписи, не как эпитафии, а как памятные надписи.

Выводы

Что описанное выше означает в контексте истории империи Тан и её взаимоотношений с восточными тюрками?

Прежде всего, надписи позволяют уточнить характер войск, привлекаемых для службы на территории протектората (наместничества) Ханьхай в период борьбы империи с Восточно-тюркским каганатом. Это ополчение фубин, комплектовавшееся в области Линчжоу, расположенной на расстоянии 700 км к югу от горного массива Дэл-Уул, южнее реки Хуанхэ (Ил. 9). Безусловно, на таком расстоянии от границы могли действовать лишь достаточно большие отряды фубина.

Если экспедиционные войска для службы на границах, как утверждают исследователи этого вопроса, должны были формироваться из ближайших к ним административных единиц[12], то исследуемая надпись позволяет подтвердить положение об удалённости земель восточных тюрок от источников надёжной военной силы империи Тан и показать, насколько именно они были удалены, указать, где именно располагались ближайшие к этому наместничеству земли, которые власти Тан могли считать надёжно покорёнными и освоенными, в отличие от того района, в котором была найдена надпись.

Р. Т. Ганиев, автор монографии по истории восточных тюрок[13], пишет об этом периоде существования восточных тюрок (после 630 г. но до 680 г.) следующее:

«После военного ослабления Восточно-тюркского каганата Китай пытается перехватить инициативу и взять под контроль международную торговлю. И на время это удается императору Тай-цзуну. На наш взгляд, данный контроль требовал слишком много сил и затрат на обеспечение безопасности торгового пути, поэтому Китаю удобней было использовать восточных тюрок в качестве торговых партнёров и поддерживать с ними дружественные отношения, чем создавать целую инфраструктуру»[14]. Надписи у колодца Дзун-Билут показывают, что китайское ополчение преодолевало пустыню Гоби не только при Тай-цзуне, но и при Гао-цзуне.

Далее тот же автор пишет: «На этих же территориях Китай учредил два наместничества — Шаньюй-духуфу и Ханьхай-духуфу, которые были также формальными»[15]. Надписи показывают, что это формальность этих наместничеств, вероятно, преувеличивается. Несмотря на отсутствие на тюркских территориях китайского населения, которое помогало бы китайскому государству удерживать контроль над этими землями, империя Тан если и не осуществляла постоянное эффективное управление, то вполне могла воздействовать на тюрок силами фубина из пограничных административных единиц, лежащих за Хуанхэ.

---

12 *Graff D. A.* The Reach of the Military… P. 246.

13 *Ганиев Р. Т.* Восточно-тюркское государство в VI–VIII вв. Екатеринбург, 2006.

14 *Он же.* Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI — первой половине VIII вв. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 14.

15 *Там же.*

А. Г. Малявкин пишет о времени появления надписи у колодца Дзун-Билут так: «Здесь, в степях к югу от пустыни Гоби, с февраля 660 по февраль 663 г. происходили многочисленные столкновения вооруженных отрядов коалиции ряда телеских племён, возглавляемой уйгурами, с войсками государства Тан. Анализ китайских источников, а также реконструкция общего положения, сложившегося здесь после окончания этих столкновений, позволяет утверждать, в 660–663 гг. в степях происходили не изолированные столкновения кочевников с войсками государства Тан, а велась настоящая уйгуро-танская война. В этой войне империя Тан не смогла реализовать поставленных целей, уйгуры же вышли из неё победителями. Они декларировали создание своего собственного государства, которое мы предложили именовать «Первый Уйгурский каганат». Это государство было организовано точно так же, как и предшествовавший ему Восточно-тюркский каганат»[16]. Наши наблюдения позволяют поставить под сомнение предположение о том, что империя Тан проиграла описываемую выше войну с уйгурами в степях к югу от пустыни Гоби, так как из надписи очевидно, что войска империи Тан сохраняли возможность пересекать пустыню Гоби и передвигаться по удалённым от границы на 700 км территориям уйгуров всего лишь через два года после завершения конфликта 660–663 гг.

Summary

Y. M. Svoyski, M. S. Tseluyko

Chinese Inscription at the Well of Dzun Bilut

Key words: *Epigraphic of Gobi, Eastern Turks, Tang Empire, military system, imperial frontiers.*

The article translates and studies the Chinese inscription from the mountains of Del Uul, situated near the well of Dzun Bilut. The characters of the inscription are translated into modern Chinese characters and then

[16] *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 18.

into Russian. The research finds the inscription to be a valuable source on the frontier policies of Tang Empire during the reign of the Emperor Gaozong (628-683), clarifying the issue of what was the system of control that Tang dynasty applied to these territories after the defeat of Eastern Turkic Khaganate in 630.

Библиография

Авдеев А. Г., Свойский Ю. М., Романенко Е. В. Свод русских надписей (CIR) и инструменты его составления // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции (Москва, 12–14 апр. 2018 г.). М.: ИВИ РАН, 2018. С. 7–9.

Баттулга Ц., Торбат Ц., Ганчимэг Б. Дэл уулнас шинээр олдсон хятад бичээс. ТС. Том XXXI. Уланбаатар, 1998.

Ганиев Р. Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI — первой половине VIII вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. — 24 с.

Ганиев Р. Т. Восточно-тюркское государство в VI–VIII вв. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2006. — 152 с.

История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 томах. Т. 3: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / Отв. ред. Л. С. Переломов. М.: Наука, 2014. — 991 с.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. — 337 с.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1989. — 432 с.

Монгол нутаг дахь түүх, соёлын дурсгал // Бүтээлийг эрхэлсэн Лувсандамбын Дашням [et al.]; шүүн ариулсан Гомбожавын Гонгоржав. Уланбаатар: Монголын Хүмүүн-лигийн ухааны Академи, 1999.

Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. — 512 с.

Сухбаатар Д. Дэл уулын хадны зураг. 2 дахь хэвлэл. Уланбаатар, 2016.

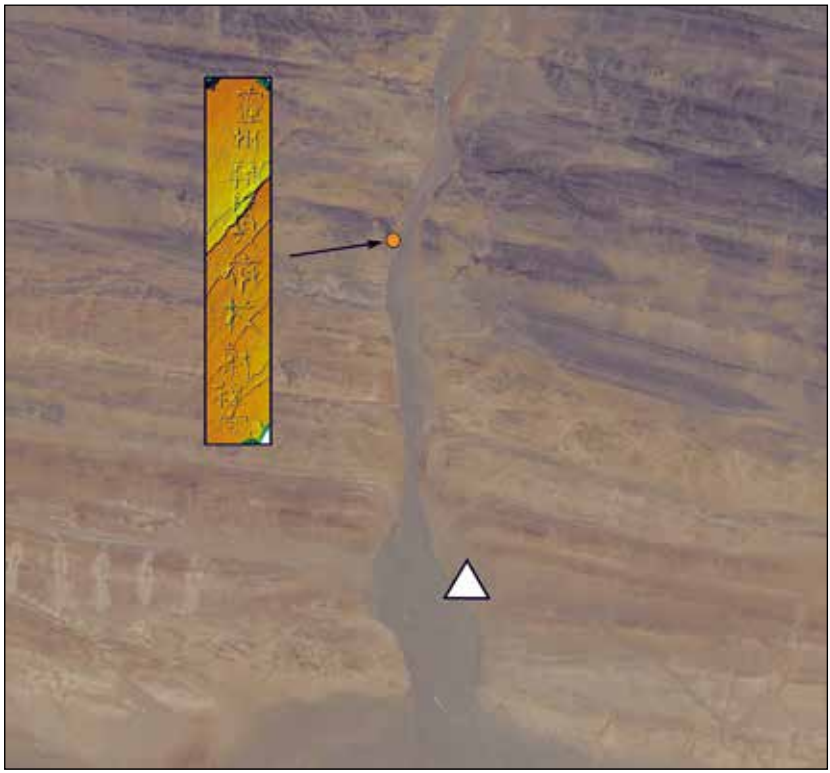
Graff D. A. The Reach of the Military: Tang, Journal of Chinese History. 2017. № 1. P. 243–253.

Jun Wang, Zhongzhang Wang. The Excavation of the Tang Dynasty Tomb of Cao Yi in Fenyang City, Shanxi Province // Wenwu (Chinese Cultural Relics). 2015. № 1–2. P. 138–143.

Tongxuan Jiang. Words Characteristics of Tang' Epitaph // Open Journal of Modern Linguistics. 2015. № 5. P. 340–347.

Свод русских надписей // https://cir.rssda.su / (электронный ресурс).

Ил. 1. Надпись у колодца Дзун-Билут в контексте географии Империи Тан

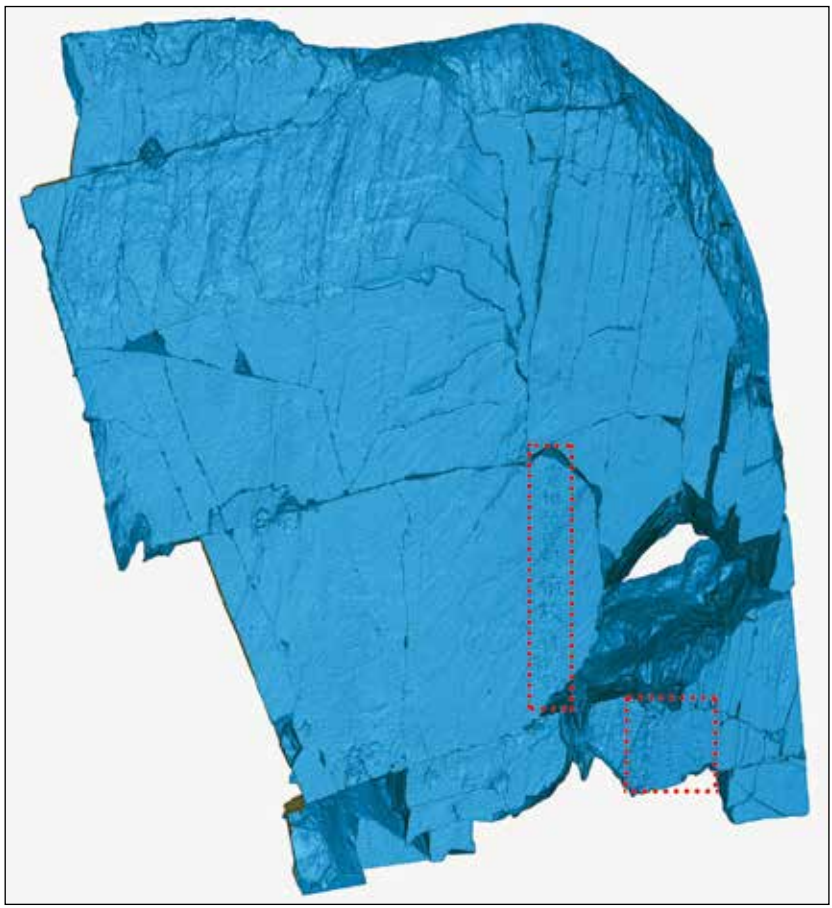


Ил. 2. Ландшафтный контекст надписи — дефиле в горном массиве Дэл-Уул. Тре-угольником показан курганный могильник

Ил. 3. Руины монастыря Билуун-Хурэ

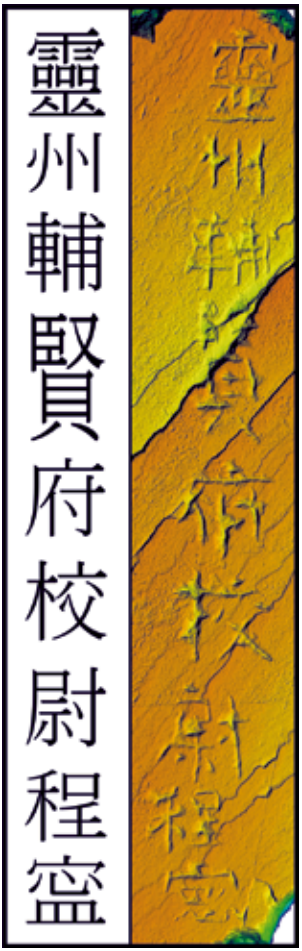
Ил. 4. Плиточная могила «32 человека»

Ил. 5. Скальная поверхность с петроглифами и надписями, общий вид

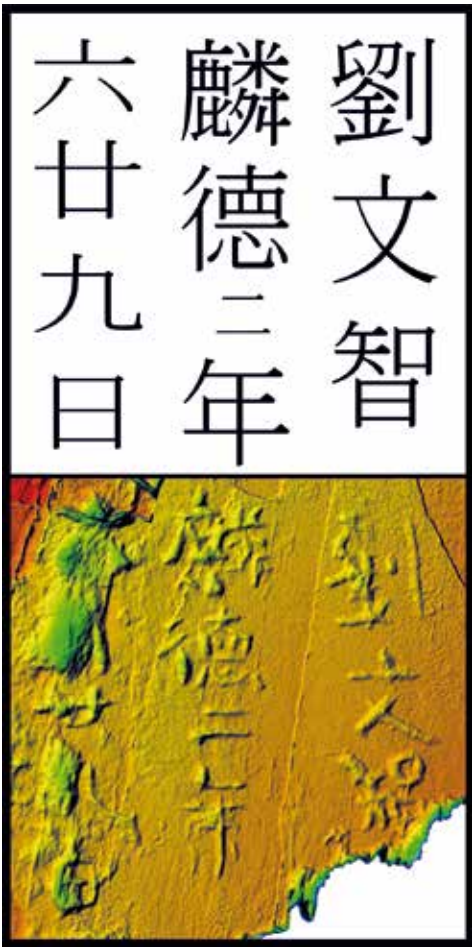


Ил. 6. Трёхмерная полигональная модель участка скалы с китайской надписью. Кон-турами показано расположение частей надписи

Ил. 7. Трёхмерная текстурированная полигональная модель участка скалы с китайской надписью



Ил. 8. Первая часть надписи



Ил. 9. Вторая часть надписи